

Орган
Первомайского райкома
ВКП(б) и райсовета депута-
тов трудящихся
Горьковской области.

КОММУНАР

№ 232 (2213)
ВОСКРЕСЕНЬЕ
16 ноября 1941 г.
Цена номера 5 коп.

АЛЕКСЕЙ Т. ОЛСТОЙ

РОДИНА

За четыре с половиной месяца тяжелой, решающей борьбы мы все глубже познаем кровную связь с тобой и все мучительнее любим тебя — родина.

Надвинулась общая беда. Враг разоряет нашу землю, от пожарщика к пожарщику бороздит ее танками и все наше — вековечное — хочет назвать своим.

Гнездо наше — родина возобладала надо всеми нашими чувствами.

Родина — это движение народа по своей земле из глубин веков к желанному будущему, в которое он верит и создает своими руками для себя и своих поколений. Это — вечно отмирающий и вечно рождающийся поток людей, несущих свой язык, свою духовную и материальную культуру и непоколебимую веру в законность и неразрушимость своего места на земле.

Бешеный фашизм враждебен всякой национальной культуре, в том числе и немецкой, всякую национальную культуру он стремится разгромить, уничтожить и стереть. Его пангерманская идея: «весь мир — для немцев» лишь ловкий прием большой финансовой игры, где страны, города и люди лишь особый вид безликих биржевых ценностей, брошенных в тотальную войну. Немецкие солдаты, которых берут в плен под Можайском, Малоярославцем и под Ленинградом, так же обезличены, потрепаны и грязны, как бумажные деньги в руках аферистов и прочей международной сволочи.

Эти пленные, — предполагаемые украинские землевладельцы, новоявленные орловские помещики, гордые арийцы, хозяева мира, международные жандармы, владыки всех океанских путей, — трясутся от холода и гриппа в рваных, без исподнего белья, гимнастерках, скребут вшей и грязь и хотят толь-

ко одного: конца войны. На пятый месяц восточной войны каждый немец, если он не слабоумный, понимает, что завоевать весь мир будет еще труднее, чем продвигаться на километр под Можайском. Их гонят, кривых, хромых, больных, — лишь бы они стреляли из автоматов, лишь бы они могли бежать за своими танками и подавлять свою численностью.

Эти люди намерены нас победить, бросить себе под ноги, наступить нам сапогом на шею, нашу родину назвать Германией, изгнать нас навсегда из Москвы, из всей нашей земли «оттич и дедич», — как говорили предки наши.

Земля оттич и дедич, это те берега полноводных рек и лесные поляны, куда пришел наш пращур — жить навечно. Он был силен, бородат, в посконной длинной рубахе, соленой на лопатках, смышлен и нетороплив, как вся дремучая природа вокруг него. На бугре над рекой он огородил тыном свое жилище и поглядел по пути солнца в даль веков, и ему померещилось многое: тяжелые и трудные времена, красные щиты Игоря в половецких степях, и стоны русских на Калке, и уставленные под хоругвями Дмитрия мужицкие копы на Куликовом поле, и кровью залитый лед Чудского озера, и Грозный царь, раздвинувший единые, отныне нерушимые, пределы земли — от Сибири до Варяжского моря; и снова — дымы и пепелища великого разорения... Но нет такого лиха, какое уселось бы прочно на плечи русского человека. Из разорения Смуги — государство вышло, и устроилось, и окрепло сильнее прежнего. Народный бунт, прокатившийся вслед за тем по всему государству, утвердил народ в том, что сил у него хватит, чтобы стать хозяином земли своей. Народ сооразил свои выгоды и пошел

за бронзовым всадником, поднявшим коня на берегу Невы, указывая путь в великое будущее...

Многое мог увидеть пращур из-под ладони по солнцу. «Ничего, мы сдюжим», — сказал он и начал жить. Росли и множилась позади него могилы отцов и дедов, рос и множился его народ. Дивной вязью он плел невидимую сеть русского языка, — яркого, как радуга — вслед весеннему ливню, меткого, как стрелы, задушевного, как песня над колыбелью, невучего и богатого. Он назвал все вещи именами и воспел свой труд. И дремучий мир, на который он накинуд волшебную сеть слова, покорилося ему, как обузданный конь, и стал его достоянием и для потомков его стал родиной — землей оттич и дедич.

Русский народ создал огромную изустную литературу: мудрые пословицы и хитрые загадки, врачевание, сопровождавшееся заговорами, веселые и печальные обрядовые песни, торжественные былины, — говорившиеся нараспев, под звон струн, — о славных подвигах богатырей, защитников земли и народа, героические, волшебные, бытовые и пересмешные сказки. Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга, — она была достоинством и умом народа, она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души, наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов.

Народ верил в свой талант, знал, что настанет его черед и другие народы потеснятся, давая ему почетное место в красном углу. Но путь к этому был долг, труден и извилист. Византийская культура древнего Киева

погибла под копытами татарских коней. Владимиро-Суздальской Руси пришлось почти четыре столетия бороться и с Золотой Ордой, и с Тверью, и с Рязанью, и с Новгородом, собирая и укрепляя землю. Во главе этой борьбы стала Москва.

Началась она с небольшого городища в том месте, где речонка Яуза впадает в Москва-реку. В этом месте заворачивал на клязьминский волок зимний торговый путь по льду — по рекам из Новгорода и с Балтийского моря — в Болгары на Волге и далее — в Персию. Младший Мономахович — удельный князь Юрий поставил при устье Яузы мытный двор, чтобы брать дань с купеческих обозов, поставил другой мытный двор в Мытищах на Клязьме и поставил деревянный город — кремль — на бугре над Москвой рекой. Место было бойкое, торговое, с удобными во все стороны зимними и летними путями. И в Москву стал тянуться народ из Переяславля Залесского, из Суздаля и Владимира и других мест. Москва обрастала слободами. По всей Руси прогремела слава ее, когда московский князь Дмитрий, собрав ополчение, пошатнул татарское иго на Куликовом поле. Москва становилась сосредоточием, сердцем всей русской земли, которую иноземцы уже стали называть Московской.

Иван Грозный, последний князь из гнезда Мономаха, завершил дело, начатое его отцом и дедом, — со страстной настойчивостью и жесткостью он разломал обветшавший застой удельной Руси, разгромил вотчинников-князей и самовластное боярство и основал единое русское государство и единую государственность с новыми порядками и новыми задачами огромного размаха. Государство не может

Окончание на 2-й странице

ОКОНЧАНИЕ

быть прочным без высокой нравственно-общественной идеи. — Грозный и его сотрудники понимали это. Национальные идеи, бродившие в народе в тот далекий век, были: единовластие царя московского взамен раздробленному и пагубному многовластию удельных князей и боярства, возвращение древних русских земель на Прибалтике, чтобы открыть путь в море, хозяйственное самоуправление городских и сельских общин взамен грабительского разорения кормильщиков-воевод и, наконец, очищение и нравственный подъем всего общества. Эти задачи были поставлены Грозным со всем размахом его пронзительного и горячего, смелого и едкого ума, со всеми ошибками его пламенной воли и творческой фантазии, часто переходящей границы возможного. Но таково было постоянное стремление всей Руси, — взлет в непомерность. Русское государство мыслилось, как третья по счету времен великая восточная империя, хранительница и поборница незапятнанной нравственной правды: был Рим, была Византия, теперь — Москва.

Москва при Грозном обстраивается и украшается, огромные богатства стекаются в нее из Европы, Персии, Средней Азии, Индии, она оживает торговлю и промыслы по всей стране и бьется за морские торговые пути. Чтобы упрочить это дело — Грозный предлагает английской королеве Елизавете брачный союз. Жителей в Москве переуваливает за миллион. С Поклонной горы она казалась сказочным городом, — среди садов и рощ виднелись сорок сороков медных и жестиных церковных куполов и маковок, вдоль крутовых и лучевых узких улиц и переулков, вымощенных бревнами, теснились узкие, в два этажа, бревенчатые дома, над ними поднимались ярко и пестро расписанные чудные и вычурные — то как луковицы, то как бочки, то как шишаки — кровли палат и дворцов. Кремль стоял над Москвой, как и сейчас стоит, только на месте колокольни Ивана Великого (поставленной при Годунове) стояла круглая красная башня с колоколами, — под ней ставили на правая должников и там

же сидели площадные подьячие, строча грамоты и князю. Центр всей народной жизни был на Красной площади, — здесь шел торг, сюда сбегался народ во время смуты и волнений, здесь вершились казни, отсюда цари и митрополиты говорили с народом, здесь произошла знаменитая, шекспировской силы, гениальная по замыслу и эффекту, сцена между Иваном Грозным и народом — опричный переворот; здесь через четверть века на лобном месте лежал убитый Лжедмитрий в овечьей маске и с дудкой сунутой ему в руки; со стен Кремля на пылающую Москву хмурился глдел обреченный Наполеон. Не раз сгорая дотла и восставая из пепла, Москва — даже оставшись после Петра «порфиросной вдовой», не утратила своего значения, — она продолжала быть сердцем русской национальности, сокровищницей русского языка и искусства, источником просвещения и свободомыслия даже в самые мрачные времена, узлом торговли и промышленности.

Настало время, когда европейским державам пришлось потесниться и дать место России в красном углу. Сделать их это заставил русский народ, разгромивший, не щадя жизни своих, непобедимую армию Наполеона. Русскому низко тогда кланялись короли и принцы всей Европы, хвалили его доблесть и парижские девицы ходили под-ручку с усатыми гренадерами и чубатыми донскими казаками по Булонскому лесу. Но не такой славы и не такого себе места хотел русский народ, — время сидеть ему в красном углу было еще впереди. Все же огромный национальный подъем всколыхнул все наше государство, творческие силы рванулись на поверхность с мутного дна крепостнического болота и наступил блистательный век русской литературы и искусства, открытый звездой Пушкина.

Недаром пращур плел волшебную сеть русского языка, недаром его поколения слагали песни и плясали под солнцем на весенних буграх, недаром московские люди сжиливали по вечерам при восковой свече над книгами, а иные — в лесных пустыньках, а иные, как неистовый протопоп Аввакум, в яме в Пустоозерске, и размышляли о правде человеческой и

записывали уставом и полууставом мысли свои; недаром буйная казачья вольница размотывала переизбыток своих сил в набегах и битвах; недаром старушки-задворенки и бродящие меж дворов старики за ночлег и ломоть хлеба рассказывали волшебные сказки, — все, все, вся широкая, творческая, страстная, взыскующая душа народа русского нашла отражение в нашем искусстве девятнадцатого века. Оно стало мировым и во многом повело за собой искусство Европы и Америки.

Русская наука дала миру великих химиков, физиков и математиков. Первая паровая машина была изобретена в России так же, как вольтова дуга, беспроводный телеграф и многое другое. Людям науки и, в особенности, изобретателям приходилось с немощными трудами пробивать себе дорогу, и много гениальных людей так и погибло для науки, не пробившись, — свободная мысль и научная дерзость ломали свои крылья о невежество и косность царского политического строя. Россия медленно тащила колеса по трясице. А век был такой, что отставание — «смерти подобно». Назревал решительный и окончательный удар по всей преступной системе, кривившей Россию в пропасть и гибель. И удар произошел, отозвавшись раскатами по всему миру. Народ стал хозяином своей родины.

Пращур наш, глядя посолонь, наверно, различил в дали веков эти дела своего народа и сказал тогда на это: «Ничего, мы сдюжим...»

И вот смертельный враг загораживает нашей родине путь в будущее. Как будто тени минувших поколений, тех, кто погиб в бесчисленных боях за честь и славу родины, и тех, кто положил свои тяжкие труды на устройство ее, обступили Москву и ждут от нас величия души и велют нам: свершайте!

На нас всею тяжестью легла ответственность перед историей нашей родины. Позади нас — великая русская культура, впереди — наши необъятные богатства и возможности, которыми хочет завладеть навсегда фашистская Германия. Но эти богатства и возможности, — бескрайние земли и леса, неисчислимые земные недра, широкие реки, моря и океаны, гигантские заводы и

фабрики, все тучные нивы, ко- торые заколосятся, все бесчисленные стада, которые лягут под красным солнцем на лугах и склонах гор, все изобилие жизни, которого мы добьемся, вся наша воля к счастью, которое будет, — все это — неотъемлемое наше навек, все это — наследство нашего народа, сильного, свободолюбивого, правдолюбивого, умного и не обиженного талантом.

Так неужели можно даже помыслить, что мы не победим! Мы сильнее обовшивевших немцев. Черт с ними! — их миллионы, нас — миллионы вдвойне. У них на данное время преимущество в танках и авиации. Но из ружья стреляет человек, Красная Армия истребляет этого стреляющего человека. Все опытнее, увереннее и хладнокровнее наша армия делает свое дело — истребления немцев. Они ведут отчаянную и — по их расчетам — последнюю ставку за Москву в истерической надежде хотя бы по сотням тысяч своих трупов пробиться к сердцу нашей родины. Расчет неверный и надежда безумная. Москва это больше, чем стратегическая точка, больше, чем столица государства, Москва, это — идея, охватывающая всю нашу культуру во всем ее национальном движении, через Москву — наш путь в будущее. Под Москвой германская военная машина изнемогает. И тогда война быстро пойдет к концу. Как Иван из сказки, схватился здесь русский народ с чудом-юдом двенадцатиглавым на калиновом мосту. «Разъехались они на три прыска лошадиных и ударились так, что земля застонала и сбил Иван чуду-юду все двенадцать голов и покидал их под мост».

Земля оттич и дедич немало поглотила полчищ наезжавших на нее насильников. На западе возникали империи и гибли, из великих становились малыми, из богатых — нищими. Наша родина ширилась и крепла, и ничто не могло пошатнуть ее. Также без следа поглотит она и эти немецкие орды. Так было, так будет. «Ничего, мы сдюжим».

Отв. редактор
С. МЕНЬШИКОВ.

МП — 25952
Тираж 2.000 экземпляров.